

ния частичного наблюдателя. Частичный наблюдатель существует лишь в непрекращающемся становлении, которое происходит совместно с объектом исследования. Критерием объективности такого знания — становления

являются два фактора: проблематизация хаоса, и эстетичность знания.

3. Несмотря на видимое сближение науки с искусством, необходимо отметить принципиальное различие их целей, способов ее реализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гейзенберг В. Философские проблемы атомной физики. — М.: Изд-во ЛКИ, 2008. — 192 с.
2. Порус Н.В. Наука, всеобщий труд и стоимость: От вымыслов к реальности // Наука и ее место в культуре: Сб. научных трудов / Отв. ред. А.Н. Кочергин. — Новосибирск: Наука, 1990. — 273 с.
3. Поппер К. Логика и рост научного знания: Избранные работы: пер. с англ. / К.Р. Поппер. — М.: Прогресс, 1983. — 605 с.
4. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? — М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. — 286 с.
5. Лоскутов А.Ю., Михайлов А.С. Введение в синергетику. — М.: Наука, 1990. — 272 с.
6. Маркова Л.А. От математического естествознания к науке о хаосе // Вопросы философии. — 2003. — № 5. — С. 78–91.
7. Герасимов В.Г., Орлов И.Н., Филиппов Л.И. От знаний — к творчеству (становление личности). — М.: Изд-во МЭИ, 1995. — 228 с.
8. Сухотин А.К. Научно-художественные пересечения. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 1998. — 198 с.
9. Делез Ж., Гваттари Ф. Ризома. Философия эпохи постмодерна / Сб. переводов и рефератов. — Минск, 1996. — С. 7–31.

Поступила 01.06.2009 г.

УДК 930.1

ПРОБЛЕМА ГОСУДАРСТВА И ПРАВОСОЗНАНИЯ В ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОЙ КОНЦЕПЦИИ И.А. ИЛЬИНА

Л.А. Гаман

Северская государственная технологическая академия
E-mail: Gamanl@yandex.ru

Рассмотрены представления выдающегося русского религиозного мыслителя И.А. Ильина (1883–1954 гг.), монархиста и консерватора по убеждениям, о значении государства и правосознания народа в историческом развитии, отчетливо сформулированные в эмигрантский период жизни и творчества. Показана их актуальность для современного российского общества.

Ключевые слова:

Религиозная философия истории, государство, правосознание.

Иван Александрович Ильин, оказавшийся в 1922 г. в вынужденной эмиграции, первоначально обосновался в Германии, где жил до 1938 г. На протяжении всего этого периода он преподавал в Русском Научном институте; некоторое время являлся деканом юридического факультета. В 1938 г. ученый должен был перебраться в Швейцарию в связи с ухудшением его отношений с национал-социалистами, где он жил до самой своей смерти. В эмигрантский период творчества он написал свои основные работы, большей частью посвященные осмыслению глубинных истоков событий трагического по своему характеру XX в.

Особую напряженность историко-философским размышлениям И.А. Ильина как религиозного мыслителя придавало его представление о «религиозном межевании» мира [1. С. 265], о масштабном столкновении Бога и антирелигиозных сил, эксплицированном в катастрофических событиях XX в., прежде всего в революции 1917 г. в Рос-

сии. Подобное восприятие истории, отмеченное выраженным религиозно-этическим дуализмом, привело его к выводу о существовании глубокой взаимной связанности людей в добре и зле. Важным условием противостояния «живой стихии зла» [2. С. 124] постулировалась способность народа к консенсусу относительно эффективной этической системы, действенной не только на уровне коллективных, порой полусознанных представлений, но и воплощенной в системе правовых норм в конкретной государственно-политической форме [2. С. 163].

Именно с этими размышлениями И.А. Ильина связано его представление о высокой ценности государства, которому он придавал религиозное значение как началу, способному обеспечить организованное сопротивление злу, в том числе посредством насильственных мер. Рассматривая государство как действенный механизм совершенствования общества, он писал: «... так как справедливое право, по

самой сущности своей, есть, прежде всего, морально верное право, то государство, разрешая эту задачу, оказывается работающим во имя нравственного развития человечества» [3. С. 131–132]. Государство при подобном подходе не сводилось к аппарату принуждения, но наделялось высокой ценностью, а носители государственной власти — ответственностью за судьбы народа не только перед законом, но и перед Богом. В свете этого более емкой выглядит попытка И.А. Ильина разрушить негативный образ типичного российского государственного деятеля дореволюционного периода, столь характерного для русского национального сознания [2. С. 69].

Отчетливо сформулированная еще в 1915 г. идея об ответственности государства за судьбы народа стала одной из ключевых в историко-философской концепции И.А. Ильина. Более того, он создал собственную теорию государства и его функций, в развернутом виде представленную в работе «О сущности правосознания». Она была подготовлена к печати в 1919 г. под названием «Учение о правосознании», но была опубликована лишь в 1956 г. благодаря активному участию жены ученого Н.Н. Ильиной. В основных чертах концепция И.А. Ильина соответствует христианской парадигме государства, с ключевой для нее идеей религиозного предназначения этого последнего — «служить своею властью Божьему делу на земле» [4. С. 221]. Ее стержень составляет идея о позитивной роли государства в процессе «душевно-духовного возрастания человечества» [5. С. 277].

В латентной форме, полагал мыслитель, в государстве содержится идея «братства» («социального государства»), привнесенная в историю христианством [4. С. 249]. При таком подходе снималось традиционное противопоставление «Божьего» и «кесарева», взамен чего предлагалась идея об их сложном взаимодействии. И.А. Ильин выразил это следующим образом: «... «кесарево» и «Божие» образуют в нормальном правосознании живое единство» [5. С. 276]. Несмотря на многие негативные стороны государства как социального института, И.А. Ильин настаивал на «здоровой и глубокой сущности» самой идеи государства, пренебрежение которой могло привести, по его убеждению, к национальной катастрофе. Причем, позитивные оценки этого социального института увязывались им со степенью его соответствия основной своей функции — национальному служению «делу Божьему на земле».

Поступательность развития человечества И.А. Ильин напрямую связывал с дисциплинирующей функцией государства, особенно христианского. При этом ключевым для обеспечения социального порядка он считал не столько систематичность применения государственным структурами разнообразных карательных санкций против носителей зла, индивидуальных или коллективных, сколько формирование в обществе представлений о неотвратимости наказания [2. С. 173].

Пренебрежение этой истиной, тем более создание льготных условий для отдельных групп населения [3. С. 74], вело к потере доверия к власти и ускорило разрушение правосознания народа. Нельзя не согласиться с этим выводом ученого, не потерявшим своей актуальности для современной России. Вместе с тем без должного внимания И.А. Ильина как философа права и правоведа осталась проблема значения «наград» (по терминологии П.А. Сорокина [6]), т.е. позитивных санкций, также оказывающих существенное влияние на формирование конструктивной атмосферы в обществе.

Однако подлинное предназначение государства, полагал И.А. Ильин, могло раскрыться в полном объеме лишь при условии интериоризации его как ценности в сознание человека. «Государство совсем не есть сочетание насилия и коварства, свирепости и обмана. Корень его жизнеспособности — внутри человека, в его правосознании» [7. С. 329]. В этой связи рассмотрим более детально его представления о сущности правосознания, в значительной степени обусловившие своеобразие его историко-философской концепции. Наиболее полно представления ученого по проблемам права и правосознания представлены в его фундаментальной работе «О сущности правосознания». Однако этой проблеме, стержневой для его творчества, он уделял внимание практически во всех своих произведениях.

Правосознание как социальный феномен в его интерпретации не ограничивалось сферой юриспруденции. Сам ученый подчеркивал, что предметом его изучения является «жизненный уклад правосознания» [8. С. 510]. Это можно интерпретировать как комплексное постижение права и правосознания в широком социально-историческом контексте с обязательным признанием его религиозно-этической природы. Относительно последнего он писал: «...живая религия всегда была самым могучим и верным источником достойного правосознания, и история человечества не раз показывала, как народ, забывший Бога, разрушал свое государство» [5. С. 317]. При таком понимании правосознания оно оказывалось генетически связанным с другим важным понятием И.А. Ильина — «национально-духовным актом».

Право, писал он, содержит в себе целый комплекс функций, жизненно важных для общества, начиная от регламентации поведения и заканчивая привнесением в общественное сознание представлений об идеальных нормах, в его концепции обязательно связанных с абсолютными ценностями. Религиозно обоснованная нормативность, усвоенная обществом, рассматривалась ученым в качестве важного условия его целостности, устойчивости и поступательности развития. В таком расширенном значении право и правосознание в его интерпретации выступали как реальная «историческая сила», эксплицированная в этико-правовой системе народа. «Реальная сила этого фактора вы-

ражается в том, — писал ученый, — что всюду, где он действует с большею интенсивностью и в большем объеме, порядок общественной жизни оказывается не только более совершенным, но и более прочным и устойчивым. Жизненность и прочность государства определяется при прочих равных обстоятельствах уровнем народного правосознания: духовное здоровье и сила правосознания есть главная основа государственной организации и огражденной ею национальной духовной культуры» [5. С. 317]. В таком понимании права и правосознания прослеживается идейная близость И.А. Ильина к некоторым ключевым положениям социологии Э. Дюркгейма в части его размышлений о праве, как «выразителе сознания и нравственной жизни» [9. С. 133].

Ценность этих размышлений И.А. Ильина особым образом высвечивается в свете актуальных для современной России поисков путей преодоления правового нигилизма, заметно усложняющего построение правового государства и формирование институтов гражданского общества в стране. Ярким показателем обоюдной заинтересованности российского общества и власти в их эффективности стала работа II Общероссийского гражданского форума «Роль гражданских инициатив в развитии России в XXI веке», организованного Общественной палатой Российской Федерации (22 января 2008 г., Москва). На форуме, в частности, подчеркивалась необходимость конструктивного диалога общества и власти на устойчивой правовой основе не только как условия преодоления правового нигилизма на всех этапах российского общества, но и как ключевого фактора дальнейшего поступательного развития страны.

Одной из устойчивых идей И.А. Ильина являлась идея о проблематичности сведения правосознания лишь к внешней регламентации поведения, до уровня «внешней легальности»: к выработке и фиксации норм «должного», «позволенного» и «запретного», а также их трансляции и реализации с помощью соответствующих санкций. Подобное «формализованное» правосознание, несомненно имеющее высокую социальную ценность, тем не менее, по мнению ученого, оказывалось недостаточным для полноценного функционирования общества: вне религиозно-нравственного контекста оно не могло противостоять широкому распространению губительных для подлинной социальной солидарности «буржуазной беспринципности и социального безразличия» [4. С. 222]. В этой связи вызывают интерес сформулированные им «аксиомы правосознания». В их число он включил «...чувство собственного духовного достоинства, способность к самообязыванию и самоуправлению и взаимное уважение и доверие людей друг к другу. Эти аксиомы, — продолжал он, — учат человека самостоянию, свободе, совместности, взаимности и солидарности. И, прежде всего, и больше всего — духовной воле» [5. С. 231]. По убеждению И.А. Ильина, действенность этих аксиом, имевших

религиозные корни, могла способствовать гармонизации социальных отношений. В его теории они выступали своеобразным мерилom духовной, культурной, политической, экономической зрелости народа и отдельного индивида. Более того, с их выраженностью в сознании граждан им связывались социальная сплоченность и здоровое развитие общества. Несомненна высокая ценность этих выводов ученого; сформулированные им «аксиомы правосознания» и сегодня могут рассматриваться как универсальные по своему значению, актуальные для любого современного общества.

И.А. Ильин считал, что многие деструктивные процессы современной ему эпохи могли быть объяснены пренебрежением «аксиомами правосознания». Так, например, он усматривал глубокую внутреннюю связь между возникновением тоталитарных систем в ряде государств и деформацией чувства человеческого и национального достоинства в XX в. Выявляя эту зависимость, он писал: «Острое чувство своего бессилия и обусловленного им публичного позора, неверие в свои благие силы, щемящее чувство обреченности, унижения и, главное, отсутствие живого и глубокого религиозного чувства — все это подготавливает в народе то особое ощущение бесчестия, на котором строят свой успех все демагоги и тираны. Это бесчестие ведет к разложению правосознания: в душах возникает разочарование в дисциплине и лояльности и соответственно — готовность ко всякой нелояльности...» [5. С. 331]. Заслуживает высокой оценки такое стремление И.А. Ильина обосновать непреходящую ценность и историческое значение человеческого и национального достоинства, как начал, препятствующих нравственной деградации нации.

Ученый стремился учитывать сложную природу правосознания. Отражением этого являлась его дифференциация правосознания на «автономный» (внутренний самоконтроль, фундированный на религиозно-нравственных нормах) и «гетерономный» (контроль посредством институционально оформленных структур) компоненты, коррелятивно связанные между собой. «Всякий строй, порядок, дисциплина, — писал он, — покоятся на особой, для данного народа целесообразной смеси из внутреннего самоуправления души (автономия) и внешне — заставляющего авторитета (гетерономия)» [10. С. 67–68]. Правовой порядок в обществе как основа его поступательного развития обеспечивался лишь в случае оптимального сочетания автономного и гетерономного компонентов сознания. Согласно И.А. Ильину, революция в России разрушила исторически сложившуюся пропорцию автономии и гетерономии, а диктаторский тип советского государства был обусловлен резким преобладанием гетерономного компонента над автономным в сознании советских людей и с установкой большевиков на создание «режима чистой гетерономии» [10. С. 67–68].

Растянутый во времени процесс «формализации правосознания», т.е. его секуляризации, рас-

смастривался И.А. Ильиным в качестве одной из ключевых причин масштабного кризиса европейской культуры, негативные стороны которого отчетливее всего, по его убеждению, проявились в стихии Русской революции. «Современное человечество переживает кризис правосознания» [4. С. 218], — писал он. Причем внешние проявления кризиса, с особой силой репрезентированные в эпохи крупных социальных потрясений, в понимании И.А. Ильина были лишь отсроченным выражением «недугующего» правосознания. «Разложение государства или какого-нибудь политического строя, — подчеркивал автор, — состоит не просто во внешнем беспорядке, в анархии, в уличных погромах, в убийствах и сражениях гражданской войны. Всё это — лишь зрелые плоды или проявления уже состоявшегося внутреннего разложения» [4. С. 235].

В свете таких представлений он придавал большое значение систематическому воспитанию правосознания, формирующему в обществе правовое мышление и уважение к праву. «Правосознание воспитывается в людях, — подчеркивал он в этой связи, — а не предполагается готовым... И если люди забывают об этом, то государственный кризис может наступить внезапно и неотвратимо» [8. С. 452]. Ученый не уставал полемизировать со сторонниками той точки зрения, согласно которой качества, «необходимые для государственного строительства, предполагаются у людей как наличные». Пренебрежительное отношение к проблеме воспитания правосознания, по его справедливому убеждению, в конечном итоге способствует снижению уровня культуры, — и не только политической, — в обществе [8. С. 507]. Одной из причин падения русской монархии И.А. Ильин как раз и считал отсутствие продуманной политики воспитания правосознания в народе, ответственность за что возлагалась им на политическую элиту самодержавной России. При этом особенно негативное значение, полагал он, имел правовой нигилизм самих элит. По мнению И.А. Ильина, в условиях предреволюционной России такой нигилизм сказывался на темпах развития страны и на характере тех разнообразных кризисов, которые углубляли противоречия между различными группами населения.

В историко-философской концепции ученого с тотальной формализацией правосознания в XIX–XX вв. органически связан «мировой кризис» принципа частной собственности. Окончательно определившись в качестве консервативного мыслителя в эмиграции, он неизменно подчеркивал его значение как фундаментального в системе общественных отношений. Это вытекало из его убеждения, что именно принцип частной собственности при должном его религиозно-духовном понимании был способен социализировать природные инстинкты человека, прежде всего, «инстинкт самосохранения», составной частью которого являлся закон «экономии сил» [11. С. 76]. И.А. Ильин ус-

матривал прямую связь между укорененностью представлений о частной собственности в народе, с одной стороны, и поступательностью его развития — с другой. Ученый предложил оригинальное объяснение неразвитости представлений о частной собственности в России, усмотрев одну из причин этого в богатстве ее природных ресурсов, способствовавших формированию в народе «подсознательного чувства народного благополучия» [12. С. 408]. Это последнее в его интерпретации оказывало воздействие на многие ментальные особенности русского человека. Именно с ним ученый связывал как русскую «щедрость и доброжелательное гостеприимство», так и нередкую для русского человека «необоснованную беззаботность», вербальными выражениями которой стали слова «авось», «небось» и «как-нибудь». «Эти слова, — писал И.А. Ильин, — призваны помочь выбраться человеку из любого трудного положения, из любой житейской беды. Вообще склонность к творческой импровизации в последнюю минуту — крайнее средство при отсутствии реальной, исполненной ответственности готовности. Самим русским давно известна прельстительная опасность этих словечек» [12. С. 407–408]. Это чувство «народного благополучия», полагал И.А. Ильин, проливает свет и на некоторые аспекты мотивации протестного поведения русского человека: «...мы так богаты, а я так беден; земные угодья бесконечны, а у меня только этот маленький клочок; значит, я обделен, обманут, зажат» [12. С. 408–409]. Характерная для русского простонародья вера в возможность земельного передела, свидетельствовавшая о специфическом его отношении к чужому имуществу, подчеркивал И.А. Ильин, одним из своих моральных источников имела именно такую настроенность.

В ходе анализа преимуществ частной собственности И.А. Ильин предпринял попытку христианского ее обоснования, что являлось нехарактерным для многих других представителей русской религиозной мысли в эмиграции. «Христос никогда не осуждал и не отвергал частной собственности, — подчеркивал И.А. Ильин, — а говоря о «богатых», коим «трудно войти в Царство Божие»... Он имел в виду не размер их имущества, а их внутреннее отношение к богатству» [4. С. 274]. Поясняя в другой своей работе собственное видение приемлемого для религиозного сознания общественного идеала, сочетавшего в себе частнособственнические и христианские начала, он писал: «Задача не в том, чтобы на земле от праведности угасло хозяйство и с ним культура и человечество... Но задача не состоит и в том, чтобы хозяйство стало самодовлеющей силой человеческой жизни, поработило людей и погасило — и справедливость, и нравственное существо человека (коммунизм). Разрешение проблемы состоит в том, чтобы сочетать строй частной собственности с «социальным» настроением души: свободное хозяйство с организованной братской

справедливостью» [4. С. 277]. Такое комплексное понимание частной собственности, согласно И.А. Ильину, должно было прививаться народу «в порядке национально-христианского воспитания и верных реформ» [7. С. 384]. В становлении такого общественного идеала И.А. Ильина не последнюю роль сыграло его критическое отношение к проектам, прежде всего толстовству и коммунизму, отрицавшим положительное значение принципа частной собственности. Между тем, по убеждению ученого, в новых исторических условиях ценность его, напротив, должна была возрастать как условие стабильного развития общества. «Какие бы еще социалистические или коммунистические потрясения ни были суждены человечеству, — писал он в 1929 г., — ныне можно уже с уверенностью сказать, что они поведут не к отвержению, а к новому осмыслению и обоснованию частной собственности» [13. С. 14].

Таким образом, правосознание, в интерпретации И.А. Ильина, напрямую зависевшее от целенаправленной деятельности государства, в свою очередь, оказывало воздействие на темпы и самую направленность развития общества.

Как убежденный государствовник, И.А. Ильин уделял большое внимание проблеме государственной формы, которая, как он полагал, не могла быть произвольно навязана народу в силу ее конкретно-исторической обусловленности, опасность чего заметно возрастала по мере ускорения процессов модернизации в мире. Именно в таком контексте следует рассматривать известное критическое отношение ученого к одному из наиболее влиятельных мифов XX в., а именно об универсальности демократической формы государства. Увлечение им, как он справедливо полагал, таило в себе вполне реальные исторические последствия. В этой связи он писал: «...государство, пытающееся быть демократией ценою своего государственного бытия, — есть нелепое и обреченное явление» [5. С. 290]. Опыт последних десятилетий XX — начала XXI в. красноречиво свидетельствует о глубокой правоте этого вывода русского ученого. Полагая, что для каждого народа существует оптимальная государственная форма, соответствующая «исторической проблематике» народа, И.А. Ильин критически относился к той идее, что «любой народный организм может по человеческому произволу жить и развиваться в любой государственной форме» [7. С. 390]. В свете этого он стремился обосновать инородность республиканской формы государственного устройства русскому народу. Установление большевиками республики явилось для И.А. Ильина еще одним аргументом в пользу негодности республиканского устройства для России: самая возможность многих негативных явлений советской действительности связывалась им с действием механизмов, встроенных в республиканскую модель. «Они (сторонники республики. — Л.Г.) должны открыто выговорить, — подчеркивал

он, — что идея республики переживает в России и повсюду острый кризис, ибо именно республика оказалась подходящей государственной формой для большевистского содержания...» [7. С. 91].

Условием функциональности государственной формы в каждом конкретном обществе являлась, по убеждению И.А. Ильина, ее изоморфность правосознанию народа. Особенности этого последнего, в свою очередь, связывались им со своеобразием «национально-духовного акта», историческая природа которого им неизменно подчеркивалась. Поясняя свою точку зрения, он писал: «...постигнуть жизнь и смысл государственной формы невозможно помимо правосознания. Ибо всякая государственная форма есть, прежде всего, «порождение» или «произведение» правосознания, — конечно, не личного, но множества сходно живущих, сходно «построенных» и долго общающихся личных правосознаний» [8. С. 450–451]. В терминологии современного гуманитарного знания речь идет о таком существенном факторе исторического развития, как «коллективное сознание», механизмы которого способны «распознавать» оптимальные формы для жизни и деятельности конкретного сообщества.

Государственно-политические предпочтения русского народа, согласно И.А. Ильину, формировались под воздействием сложного и длительного взаимодействия ряда факторов. Это размер территории и плотность населения. Это масштабность государственных и хозяйственных задач народа. Это географическая локализованность страны между Европой и Азией. Это национальный, религиозный и социальный состав народа. Это уровень общей культуры и особенности правосознания и, наконец, общий уклад народного хозяйства. Резюмируя историческое значение перечисленных факторов, И.А. Ильин писал: «Все это имеет значение, конечно, только при прочих равных условиях» [8. С. 542–543]. Особенности России, полагал он, способствовали тому, что основной ее государственной формой стала монархия, как наиболее оптимальная в рамках ее исторической судьбы. Однако подобный вывод не предполагал принудительной реставрации монархического режима в России. Будучи монархистом по своим общественно-политическим убеждениям, И.А. Ильин тем не менее, подобно П.Б. Струве, позиционировал себя в эмиграции как «непредрешенца» относительно перспектив будущего государственного устройства России. На сложность такой его позиции впервые указал американский исследователь Н. Полторацкий. «Чтобы правильно и во всех компонентах понять идейную и политическую позицию И.А. Ильина в вопросе о монархии и республике, — писал Н. Полторацкий, — необходимо учитывать, что Ильин был одновременно и убежденным монархистом, и явным непредрешенцем. Совмещение этих двух — на первый взгляд казалось бы несовместимых точек зрения, проходит красной нитью через все его публицистическое и идейное на-

следие» [14. С. 59]. Суть позиции И.А. Ильина заключалась в том, что собственное предпочтение монархического идеала как изоморфного, по его мнению, русскому национальному сознанию, сложно комбинировалось с убеждением о недопустимости принудительного установления монархического режима в стране при отсутствии в народе монархического правосознания.

Важным условием устойчивости государственной формы, согласно И.А. Ильину, являлись качественные показатели власти того или иного государства. В этой связи заслуживает внимания предложенная им система «аксиом власти», которая, подобно «аксиомам правосознания», являлась для него важным критерием в оценке жизни общества. Ученый выделил следующие аксиомы: правовая полномочность и духовная компетентность власти, единство власти, привлечение лучших людей к власти, обеспечивающих ее авторитет, следование власти единой цели и общему национальному интересу. Кроме того, это реальность и осуществимость декларируемой и реальной политики власти, позволяющая исключить радикальные проекты преобразований, порождающих беспредметные ожидания различных категорий населения.

Применительно к последней из перечисленных аксиом ценным представляется замечание автора, проливающее свет и на его общеисторические представления. «В общественном и политическом развитии, — писал И.А. Ильин, — есть своя необходимая последовательность, которую нельзя прене-

брегать безнаказанно...» [5. С. 303]. Игнорирование этой аксиомы усиливало, по его мнению, неблагоприятную динамику общественного развития. Наконец, шестая аксиома власти предполагала, по И.А. Ильину, следование принципу «распределяющей справедливости», исключающему как уравнилительные представления о справедливости, не соответствующие «глубоко дифференцированному» укладу общества, так и неоправданные привилегии граждан [5. С. 306–307]. Тем самым И.А. Ильин еще в одном аспекте отметил позитивное значение неравенства в жизни общества. Отступление от этого принципа являлось позволительным лишь в случаях чрезвычайной опасности для национально-духовного и государственного бытия народа.

Таким образом, историко-теоретические представления И.А. Ильина, предполагавшие пристальное внимание к эмпирическому и религиозно-духовному уровню исторического процесса, призваны были способствовать комплексному его познанию. Исследовательские императивы ученого сложно коррелировались с его сосредоточенностью на идеях государства, права и правосознания. Эти последние интерпретировались им в качестве исторически обусловленных начал, непременно связанных с религиозно-этической системой народа. В концепции И.А. Ильина убедительно показана опасность размывания представлений об их онтологической природе и социальной ценности, создающая дополнительные угрозы национально-историческому бытию народа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ильин И.А. Кто совершил? // Ильин И.А. Собр. соч.: в 10 т. Т. 5. — М.: Русская книга, 1996. — С. 261–266.
2. Ильин И.А. О сопротивлении злу силою // Ильин И.А. Собр. соч.: в 10 т. Т. 5. — М.: Русская книга, 1996. — С. 31–220.
3. Ильин И.А. Общее учение о праве и государстве // Ильин И.А. Собр. соч.: в 10 т. Т. 4. — М.: Русская книга, 1994. — С. 47–147.
4. Ильин И.А. Путь духовного обновления // Собр. соч.: в 10 т. Т. 1. — М.: Русская книга, 1996. — С. 39–282.
5. Ильин И.А. О сущности правосознания // Ильин И.А. Собр. соч.: в 10 т. Т. 4. — М.: Русская книга, 1994. — С. 149–414.
6. Сорокин П.А. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали // Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. — М.: Политиздат, 1992. — С. 32–155.
7. Ильин И.А. Основы борьбы за национальную Россию // Ильин И.А. Собр. соч.: в 10 т. Т. 9–10. — М.: Русская книга, 1999. — С. 317–396.
8. Ильин И.А. О монархии и республике // Ильин И.А. Собр. соч.: в 10 т. Т. 4. — М.: Русская книга, 1994. — С. 415–544.
9. Московичи С. Машина, творящая богов. — М.: Изд-во «Центр психологии и психотерапии», 1998. — 550 с.
10. Ильин И.А. О революции // Русское возрождение. — 1983 (III). — № 23. — С. 45–118.
11. Ильин И.А. Коммунизм или частная собственность? Постановка проблемы // Ильин И.А. Собр. соч.: в 10 т. Т. 7. — М.: Русская книга, 1998. — С. 27–84.
12. Ильин И.А. Сущность и своеобразие русской культуры. Три размышления // Ильин И.А. Собр. соч.: в 10 т. Т. 6. Кн. II. — М.: Русская книга, 1996. — С. 373–620.
13. Ильин И.А. О частной собственности // Русский колокол. — 1929. — № 8. — С. 14–20.
14. Полторацкий Н. Монархия и республика в восприятии И.А. Ильина. — Нью-Йорк: Содружество, 1979. — 86 с.

Поступила 27.02.2009.